

A man in a futuristic, dark suit with a backpack stands on a rocky ledge, looking out over a vast, colorful landscape of mountains and a winding river. Above him, a large, dark, spherical object floats in the sky, covered in intricate, ancient-looking symbols and text. The sky is blue with white clouds.

Квант М.

Архив исчезнувших языков

Квант М.

Архив исчезнувших языков

<https://litres.ru/74404977>

SelfPub; 2026

Аннотация

На затерянной космической станции «Память» доктор Артур Ланге, сосланный туда ксенолингвист, обнаруживает древний артефакт — загадочный чёрный шар. Случайный контакт с ним пробуждает в герое невероятные способности: он начинает понимать исчезнувшие языки и обнаруживает, что слова обладают реальной силой, способной менять реальность.

Оказалось, что человечество намеренно лишили доступа к древним языкам, ведь они были не просто способом общения, а инструментами власти над миром. Теперь Артур становится носителем древней истины и ключевой фигурой в противостоянии с могущественной организацией, стремящейся сохранить контроль над галактикой путём подавления свободы слова.

В поисках ответов герой отправляется к таинственному учителю Авелю, который должен обучить его управлять новообретённой силой. Но времени мало — те, кто стёр языки, уже знают о пробуждении носителя, и за Артуром начинается охота.

Содержание

Глава 1. Пыль на губах	4
Глава 2. Учитель пыльных слов	31
Глава 3. Слово-щит	51
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Квант М.

Архив исчезнувших языков

Глава 1. Пыль на губах

Тишина в секторе семь-четыре-девять была не просто отсутствием звука. Она была физической субстанцией, холодной и вязкой, как остывающий гель. Она давила на барабанные перепонки, заставляя слышать шум собственной крови, бегущей по венам. Доктор Артур Ланге стоял у смотрового окна, отделяющего стерильный полумрак архивного зала от ослепительной белизны галактического ядра. Его отражение — высокий, чуть сутулый человек в сером комбинезоне с эмблемой Ксенолингвистического Корпуса — казалось бледным призраком, случайно забредшим в этот мавзолей.

Станция «Память» висела на орбите мёртвой планеты, лишённой атмосферы, в системе, где когда-то, по предположениям, существовала колония Первой Волны. От неё остались лишь спекшиеся руины, напоминающие оплывшие свечи. Станцию построили много позже, чтобы изучать эти руины. Но изучать, по сути, было нечего. Никто не знал, зачем колонисты прилетели сюда и почему погибли. Их язык, их записи, их мысли — всё было стёрто. Превращено в ту самую пыль, что тонким слоем покрывала пол смотрового за-

ла, хотя уборка проводилась дважды в сутки.

Артур вздохнул. Конденсат от его дыхания на миг затуманил бронированное стекло, нарисовав крошечное облачко, которое тут же рассеялось. Он ненавидел это место. Ненавидел его стерильную предсказуемость, его бессмысленное предназначение и тупую, всепроникающую тоску, что сочилась из каждой панели. Но выбора не было. После инцидента на Прочионе-четыре, где он имел неосторожность заявить, что универсальный язык теряет нюансы в передаче эмоциональных состояний коренного населения, его карьера покатила под откос. Его отправили сюда, в ссылку, под надзор, в качестве наказания. Хранителя пыли. Инвентаризатора небытия.

Универсальный язык. Эсперанто. Единый для всех миров, для всех колоний. Чистый, логичный, идеальный. Язык, в котором каждое слово имело единственное, математически выверенное значение. Язык, в котором не существовало игры смыслов, двусмысленностей, метафор. Язык, который не позволял ни соврать, ни, упаси господи, вообразить что-то сверх запрограммированных шаблонов. Артур иногда думал, что это не язык, а клетка. Красивая, позолоченная, но клетка. И его замечание на Прочионе было лишь крошечной трещинкой в этой клетке. Трещинкой, которую следовало немедленно заделать, а его самого — убрать подальше от глаз.

Сигнал пришёл ровно в полночь по стандартному времени

станции. Он не был звуковым. Он возник прямо в голове, заставив Артура вздрогнуть.

— Доктор Ланге, — голос ИскИна станции, лишённый интонаций, но с тенью металлического резонанса, прорезал тишину. — Зафиксирована аномалия в секторе семнадцать-альфа. Нарушение герметичности.

Артур нахмурился. Сектор семнадцать-альфа был одним из самых старых, давно законсервированных отсеков. Он находился в той части станции, которую не посещали годами.

— Причина? — спросил он, не оборачиваясь.

— Неизвестна. Внешних воздействий не зафиксировано. Уровень радиации в норме. Температурный режим стабилен. Предположительно, естественный износ обшивки.

— Естественный? — Артур усмехнулся про себя. — На станции, которая рассчитана на тысячу лет эксплуатации? На пятидесятом году жизни? Отправь дрона. И разбуди техника.

— Дрон-инспектор уже направлен. Технический персонал отсутствует. Инженер Рид находится в рекреационном цикле. Её пробуждение потребует тридцать семь минут.

Артур почувствовал, как внутри закипает глухое раздражение. Он был один. Совершенно один на этой проклятой станции. Единственный живой человек, не считая спящих в криокапсулах членов экипажа, которых можно было разбудить в случае крайней необходимости. Инженер Рид, толстая усталая женщина, видевшая девятый десяток, была по-

гружена в сон в этом рекреационном цикле. И, похоже, сон её был крепок.

— Не надо будить инженера, — решил Артур. — Сначала посмотрим, что там.

Он вышел из смотрового зала и направился по широкому, безупречно чистому коридору к лифту. Стены, обшитые матово-белым пластиком, отражали свет, заставляя пространство казаться бесконечным. Каждый его шаг отдавался гулким эхом. Он чувствовал себя крошечной фигуркой в гигантской белой пустыне.

Лифт бесшумно опустил его на шестнадцать ярусов вниз. Двери с тихим шипением разошлись, и Артур ступил в полумрак. Здесь пахло иначе. Пылью, старым металлом и чем-то ещё, неуловимым, отдалённо напоминающим запах высохших цветов. Терминал у входа в сектор семнадцать-альфа давно не работал. Артур подошёл к массивной герметичной двери, испещрённой вмятинами и царапинами. На ней была нанесена маркировка на универсальном языке: «ОПАСНО. ПЕРЕПАД ДАВЛЕНИЯ. ТОЛЬКО В ЗАЩИТНОМ КОСТЮМЕ».

Он отыскал ручку аварийного открытия. Рывок. Механизм, за долгие годы покрывшийся слоем окислов, с неприятным скрежетом поддался. Дверь приоткрылась, впустив внутрь поток холодного, спёртого воздуха. Артур достал из набедренного кармана компактный анализатор атмосферы. Прибор пискнул, показав, что воздух пригоден для дыхания,

хотя и с пониженным содержанием кислорода.

Внутри было темно. Артур включил нашлемный фонарь. Луч света выхватил из мрака длинный, уходящий в бесконечность коридор, стены которого были не белыми, как в обитаемой части станции, а тускло-серыми, потемневшими от времени. Вдоль стен тянулись стеллажи, забитые одинаковыми серыми контейнерами.

Это был архив. Физический архив. Один из сотен, разбросанных по станции. Здесь хранились данные, которые не переводились в цифровой вид из-за их... незначительности. Артур знал это место. Он бывал здесь несколько раз в первые месяцы своего пребывания, проводя рутинную инвентаризацию. Потом перестал. Незачем.

Он медленно двинулся вперёд, ведя лучом по стеллажам. Контейнеры, контейнеры, контейнеры. Тысячи, десятки тысяч контейнеров. Пыль лежала на них толстым, пушистым ковром. Она была повсюду. Она висела в воздухе, заставляя чихать и щипать глаза. Но вот что-то изменилось. Артур остановился.

Он понял. В одном месте пыль была потревожена. Словно кто-то провёл по ней рукой или... сдул её. Артур нагнулся. На полу, у подножия одного из стеллажей, он заметил едва различимые следы. Словно очень лёгкое существо пришлось здесь босыми ногами. Следы вели к стеллажу, стоящему в самом конце коридора, у дальней стены.

Сердце забило чаще. Конечно, это могла быть крыса.

Или какое-то другое существо, проникшее на станцию с грузом. Или просто сквозняк, возникший из-за разгерметизации, пошевелил пыль. Но эти следы... Они были слишком правильными. Слишком целенаправленными.

Артур двинулся по ним. Луч фонаря дрожал в его руке. Он дошёл до конца коридора. Здесь стеллажи заканчивались, упираясь в глухую стену, на которой висела большая, выцветшая карта звёздного неба. Она была размечена на десятки секторов, но все надписи на ней были на каком-то незнакомом языке, точнее, на нескольких. Артур вгляделся. Он никогда не видел этих символов. Это были не буквы универсального языка и не стандартные пиктограммы. Это были... знаки. Замысловатые, витиеватые, каждый из которых, казалось, был наполнен каким-то скрытым смыслом.

Дрон-инспектор, прилетевший несколько минут назад, завис у него над плечом, тихо жужжа.

— Дрон, — произнёс Артур, не сводя глаз с карты. — Просканируй эту стену.

Дрон издал короткий сигнал. Лучи его сканеров пробежали по поверхности. Раздался ещё один звук, более тревожный.

— Обнаружена полость за стеной. Предположительно, скрытое помещение. Сигнатура... не идентифицирована.

— Скрытое помещение? — прошептал Артур. — Открой его.

— Доступ к механизмам закрыт. Необходим ручной

осмотр.

Артур подошёл ближе. Он начал ощупывать стену, карту. Его пальцы скользили по шероховатой поверхности, по выцветшим краскам, по этим странным символам. И вдруг, под одним из них, особенно крупным, напоминающим спираль, он нащупал едва заметную неровность. Он надавил.

Раздался щелчок. Где-то глубоко в стене что-то загудело, заскрежетало. Карта дрогнула и, к изумлению Артура, плавно отъехала в сторону, открыв тёмный проём.

Из проёма пахнуло холодом и временем. Запах был густым, сладковатым и в то же время каким-то стерильным. Артур направил луч фонаря внутрь. Это была небольшая, идеально круглая комната. В центре её, на постаменте из чёрного, похожего на обсидиан материала, стоял предмет, который заставил его замереть на месте.

Это был шар. Идеально гладкий, матово-чёрный, примерно полметра в диаметре. Он не отражал свет, а, казалось, поглощал его. Вокруг шара не было ни пылинки. Создавалось впечатление, что он существует в каком-то ином измерении, куда не проникает тлен.

Артур осторожно переступил порог. Дрон последовал за ним, но у входа неожиданно завис, издавая тревожные сигналы.

— Внимание. Электромагнитное поле высокой интенсивности. Дальнейшее продвижение может вывести из строя электронику.

Артур проигнорировал предупреждение. Он сделал несколько шагов к шару. Чем ближе он подходил, тем сильнее ощущал странное давление в висках. Словно кто-то невидимый сжимал его голову мягкими, но неумолимыми тисками. В ушах начал нарастать едва уловимый гул, похожий на шум далёкого прибора.

Он остановился в шаге от пьедестала. Шар был безупречен. В его поверхности, несмотря на кажущуюся матовость, можно было разглядеть мельчайшие, переливающиеся в глубине искорки, словно в нём были заключены миллиарды крошечных звёзд.

— Что ты такое? — тихо спросил Артур, не ожидая ответа.

И в этот момент, словно в ответ на его вопрос, шар засветился. Из его недр начал разгораться мягкий, пульсирующий свет. Сначала едва заметный, затем всё ярче и ярче. Внезапно в воздухе вокруг шара начали появляться символы. Точно такие же, как на карте. Они возникали из ниоткуда, светились изнутри, вращались, сплетались в причудливые узоры, а затем бесследно исчезали, сменяясь новыми. Это было завораживающее, гипнотическое зрелище.

Артур стоял, не в силах отвести взгляд. Он забыл о холоде, о пыли, о разгерметизации, о своём наказании и о своём одиночестве. Он видел перед собой нечто, чего не видел ни один живой человек. Нечто, что могло изменить всё.

Он протянул руку.

— Доктор Ланге, — раздался в голове тревожный голос ИскИна. — Ваше местонахождение не определяется. Ваши биометрические показатели нестабильны. Рекомендуются немедленно вернуться в обитаемую зону.

Артур не слушал. Его пальцы коснулись поверхности шара. Она была холодной, как лёд, и в то же время обжигающе горячей. Два противоположных ощущения одновременно. В то же мгновение комната взорвалась светом. Символы перестали вращаться. Они застыли на мгновение, а затем с невероятной скоростью втянулись в шар, и мир для Артура исчез.

Он очнулся на полу. В голове гудело, перед глазами плавали цветные пятна. Фонарь погас. В комнате царила абсолютная тьма. Артур застонал и попытался подняться. Тело не слушалось, было ватным, чужим. Он лежал, глядя в черноту, и пытался понять, что произошло.

Прошло несколько минут, прежде чем он смог сесть. Аварийное питание, очевидно, сработало, потому что над дверью слабо замигала крошечная красная лампочка. В её неверном свете Артур разглядел, что шар по-прежнему стоит на постаменте. Но теперь он был абсолютно чёрным, без каких-либо искр внутри. Мёртвым.

Артур с трудом поднялся на ноги и, шатаясь, направился к выходу. Дрон валялся на полу, искорёженный, со следами оплавления на корпусе. Он подобрал его и вышел в коридор. Свет в коридоре тоже погас, но здесь хотя бы были видны аварийные указатели.

Он добрёл до лифта, который, к счастью, работал, и поднялся в свой жилой модуль. Руки дрожали. Перед глазами всё ещё стояли эти символы. Они плясали, вращались, сплетались в узоры. Артур закрыл глаза и потряс головой, пытаясь прогнать наваждение. Тщетно.

Он разделся и встал под горячий душ, надеясь, что вода смоет не только пыль, но и ощущение чужого вторжения в его разум. Вода лилась долго, но облегчения не приносила. Символы продолжали гореть перед глазами, и он начал различать их. Они менялись, трансформировались, и в какой-то момент Артур понял, что... он их понимает.

Нет, не так. Он не понимал их значения. Но он начал видеть в них структуру, логику, математическую гармонию. Это был язык. Безусловно, это был язык. Его грамматика, его морфология были не похожи ни на один из известных Артуру языков. Но это был язык. Он чувствовал его, как музыкант чувствует музыку, не зная нот.

Выключив воду, он вышел из душа, вытерся и сел на кровать. Его взгляд упал на терминал личного компьютера. На экране горело сообщение от ИскИна.

«Доктор Ланге. Ваши показатели нормализовались. Требуется объяснительная записка по факту отключения связи и повреждения дрона-инспектора. Рекомендуемый срок предоставления: 24 часа».

Артур отмахнулся от сообщения. Его мысли были заняты другим. Шар. Скрытая комната. Карта с символами. Пыль.

Всё это не давало покоя. Он встал, подошёл к компьютеру и открыл свой личный рабочий журнал. Но вместо того, чтобы начать писать объяснительную, он начал вспоминать.

Он вспоминал свою учёбу в Академии. Лекции по истории исчезнувших языков. Его всегда привлекала эта тема. Тысячи, десятки тысяч языков, существовавших на Земле до эпохи Унификации. Языки, которые были не просто способом общения, а носителями культур, мировоззрений, уникальных способов мышления. Языки, которые были стёрты.

Официальная версия гласила, что они исчезли естественным путём. Глобализация, смешение культур, победа рациональности. Универсальный язык был признан оптимальным инструментом для коммуникации, и все остальные постепенно отмерли, не выдержав конкуренции. Остались лишь мёртвые записи в архивах.

Но Артуру всегда казалось, что в этой истории что-то не так. Слишком уж быстро и безболезненно произошёл переход. Слишком уж рьяно новые власти взялись за искоренение «пережитков прошлого». И слишком уж мало следов осталось от этого невероятного языкового разнообразия.

Он открыл базу данных архива. Ввёл запрос: «Сектор семнадцать-альфа. Скрытое помещение. Шар». Ответ был ожидаем: «Информация отсутствует». Он попробовал сформулировать иначе. «Неопознанный объект. Символы. Доунификационные языки». Снова «Информация отсутствует».

Тогда он решил пойти другим путём. Он открыл логи Ис-

К Ина станции за последние сутки. Нашёл запись о сигнале аномалии. Время: полночь. Координаты: сектор семнадцать-альфа. Причина: нарушение герметичности. Но когда он запросил данные о местонахождении дрона и его маршруте, то наткнулся на странность. Дрон был отправлен, но его путь обрывался за несколько метров до той самой двери. Он словно исчез. Затем снова появился на записи, уже внутри, следуя за ним.

Артур нахмурился. Кто-то или что-то манипулировало записями. Или же... ИскИн лгал.

Он чувствовал, как закипает кровь. Страх ушёл, уступив место холодному, расчётливому любопытству. Он должен был узнать, что это за шар. И зачем он здесь.

Внезапно его взгляд упал на собственные руки. На кончиках пальцев, там, где они касались поверхности шара, остались едва заметные, светящиеся в темноте точки. Они пульсировали в такт биению его сердца. Артур поднёс ладонь к лицу. Точки были крошечными, но их свечение было ровным и ясным.

Он встал и подошёл к зеркалу. В полумраке комнаты его лицо казалось бледным и измождённым. Он высунул язык. Кончик языка тоже слегка светился.

— Ну и дела, — прошептал он по-русски.

И замер. Он только что сказал фразу на языке, которого не существовало. На мёртвом языке. На языке своих предков. Он не знал, откуда пришли эти слова. Он не учил русский.

Он даже не знал, что знает его. Но слова сами сорвались с губ, и он их понял.

Он снова посмотрел в зеркало. Глаза, уставившиеся на него из отражения, были его собственными, но в них появилось что-то новое. Что-то древнее, холодное и... знающее.

Он обернулся к компьютеру. ИскИн прислал новое сообщение: «Доктор Ланге. В вашей речи зафиксированы неидентифицированные фонетические паттерны. Вы здоровы?»

— Я в порядке, — ответил он, но слова, которые он хотел произнести на универсальном языке, снова сложились в русскую фразу. Он сжал губы.

Он должен был молчать. Говорить на мёртвом языке здесь было равносильно самоубийству. Но это было сильнее его. Язык, казалось, жил своей собственной жизнью, пульсировал внутри него, просился наружу.

Он подошёл к терминалу и открыл программу перевода. Таких программ на станции не было. Не было необходимости. Но он знал, что в архиве должны быть базовые лингвистические модули, оставшиеся от старых экспедиций. Он нашёл их. Древние, необновлявшиеся десятилетиями. Он запустил один из них, настроил на распознавание русской речи и произнёс в микрофон:

— Кто я?

Программа зависла на несколько секунд, а затем выдала перевод на универсальный язык. Артур смотрел на экран и

не верил своим глазам.

«Я — носитель. Первый носитель. Врата открыты».

— Врата? Какие врата? — спросил он, уже не сдерживаясь.

«Врата памяти. Архив исчезнувших языков. Он ждал тебя».

Артур отшатнулся от терминала. Сердце колотилось как бешеное. Он снова посмотрел на свои пальцы. Свечение не исчезало. Оно, казалось, стало ещё ярче.

— Архив? — прошептал он. — Где он?

«Внутри тебя. Он всегда был внутри тебя. Ты лишь должен был проснуться».

И в этот момент он услышал его. Шёпот. Тихий, неразборчивый, исходящий отовсюду и ниоткуда. Он шёл не из динамиков. Он шёл изнутри. Из глубины его собственного существа. Тысячи голосов, сливающихся в один. Голоса на тысячах языков. Они пели, шептали, кричали, молили, смеялись и плакали. И все они обращались к нему.

Он упал на колени, зажав уши руками. Но это не помогало. Шёпот проникал сквозь ладони, сквозь черепную коробку, прямо в мозг. Он был повсюду. Он заполнял всё его существо.

— Прекратите! — закричал он.

Шёпот смолк так же внезапно, как и начался. Наступила оглушительная тишина.

Артур медленно поднялся. Он был один в комнате. На

экране терминала горела одна-единственная строка:

«Добро пожаловать в Архив».

Он подошёл к окну. Смотровой зал был погружён во мрак. Только далёкие звёзды мерцали в бездонной черноте. Он прижал ладонь к холодному стеклу. На стекле, там, где его касалась рука, остался светящийся отпечаток.

Он смотрел на этот след и понимал, что его прежняя жизнь закончилась. Начиналась новая. И в этой новой жизни он был не просто доктором Артуром Ланге, ксенолингвистом в изгнании. Он был чем-то большим. Чем-то, чего он пока не мог понять.

Он был ключом.

Он был носителем.

Он был голосом, который должен был зазвучать.

И первым словом, которое он скажет этому миру, будет слово силы. Слово, которое сможет изменить всё.

Но он пока не знал, с чего начать. Он знал лишь, что должен учиться. Учиться языкам, которые были забыты. Учиться словам, которые были стёрты. Учиться силе, которая дремала в нём.

Он отвернулся от окна и посмотрел на мигающий курсор в поисковой строке терминала. Пора было задать новый вопрос. Самый важный вопрос в его жизни.

Он подошёл и напечатал на универсальном языке: «Как найти другие носители?»

Экран мигнул и погас. А затем зажглась новая надпись,

на этот раз на языке, который он уже начинал узнавать. На языке, состоящем из символов, которые он видел на той самой карте.

«Начни с языка, который стёрли первым. Начни с пыли на твоих губах».

И он почувствовал во рту вкус пепла. Вкус потерянного мира. Вкус слов, которые ждали своего часа. Он закрыл глаза и позволил себе, наконец, услышать тишину. Теперь он знал, что тишина — это тоже язык. Самый древний из всех. Язык, на котором говорила сама Вселенная, до того, как появились слова.

И он начал слушать. Тишина действительно оказалась языком. Артур слышал её не ушами — всем телом, каждой клеткой, словно его кожа стала гигантской барабанной перепонкой, улавливающей вибрации, недоступные обычному человеку. Он стоял посреди своей каюты, прикрыв глаза, и различал в этой тишине слои, как геолог различает пласты породы. Самый верхний слой был мёртв — это было безмолвие станции, гул систем жизнеобеспечения, отфильтрованный до почти нулевой слышимости. Но под ним, глубже, текло нечто иное. Оно напоминало дыхание спящего великана — медленное, ровное, невероятно древнее. И в этом дыхании Артур угадывал отдельные фонемы, отдельные смысловые блоки, которые он не мог расшифровать, но которые вызвали в нём странное, щемящее чувство узнавания.

Он открыл глаза. Светящиеся точки на кончиках пальцев

пульсировали всё так же ровно, но теперь их свечение не казалось чем-то чужеродным. Оно было тёплым, почти родным. Артур поднял руку к лицу и медленно, сам не зная зачем, поднёс её к губам. Ему вдруг захотелось попробовать это свечение на вкус — словно это могло что-то объяснить. Но в последний момент он остановился, потому что в голове вновь прозвучала фраза, теперь уже отчётливее, как если бы кто-то произнёс её прямо у его виска: «Начни с пыли на твоих губах».

Пыль. Губы. Он машинально облизнул пересохшие губы и почувствовал на языке привкус той самой пыли из сектора семнадцать-альфа. Но не той, что лежала на стеллажах, а другой — той, что висела в воздухе в момент, когда шар ожил. Пыли, которая словно бы впиталась в него. Или он в неё.

Он резко подошёл к небольшому шкафчику, где хранились личные вещи, и выдвинул нижний ящик. Там, под стопкой старых голографических снимков, лежала его единственная реликвия — маленькая потёртая книга, которую он получил от своего научного руководителя ещё в Академии. Книга была издана до Унификации, и текст в ней был на языке, который считался полностью утраченным. Артур никогда не мог его прочитать — лишь любовался необычной вязью и гадал, о чём могут рассказывать эти странные, похожие на следы птиц, знаки. Теперь он достал её и положил на стол.

Руки дрожали, когда он открыл обложку. И в этот раз зна-

ки не были безмолвным орнаментом. Они начали шевелиться, перестраиваться, складываться в слова. Артур моргнул, потряс головой, но видение не исчезло. Текст дышал, жил, переливался. И самое главное — Артур начал понимать его. Не так, как понимают заученные фразы на универсальном языке, а глубже, словно знание приходило не через зрение, а откуда-то изнутри, из той самой точки, где, как ему казалось, теперь находился Архив.

Первые строки книги были такими: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». Эти слова он узнал мгновенно, ещё до того, как осознал их смысл. Он перевёл взгляд дальше. Следующая фраза заставила его похолодеть: «И сказал Бог: да будет свет. И стал свет». Артур отшатнулся от стола. Стул, на котором он сидел, с грохотом упал на пол.

Он слышал эти слова раньше. Нет, не в Академии и не в детстве. Он слышал их внутри, когда шар коснулся его пальцев. Это были те самые звуки, которые запускали свет. Не описание, не метафора — команда. Прямая, буквальная, действующая команда, меняющая структуру реальности.

Артур заставил себя снова сесть. Он лихорадочно листал страницы, и с каждой секундой понимал: эта книга была не просто текстом. Это было руководство. Учебник. Ключ к использованию слов как инструмента управления физическим миром. В ней говорилось о том, что каждый язык несёт в себе уникальный код, способный перестраивать реальность.

Что существуют языки созидания и языки разрушения. Языки исцеления и языки, способные заставить материю распадаться на элементарные частицы. Языки, управляющие временем, пространством, гравитацией, самой жизнью.

Он читал о древних цивилизациях, которые знали об этом свойстве человеческой речи. Они возводили города не машинами, а словами. Они лечили болезни не лекарствами, а стихами. Они вели войны не оружием, а проклятиями. И именно поэтому языки были стёрты. Именно поэтому была введена Унификация. Чтобы лишить человечество доступа к этой силе. Чтобы запечатать её навсегда.

Но почему? Кто это сделал? Артур искал ответы, но книга, казалось, нарочно обрывалась на самом интересном месте. Он перелистнул последнюю страницу — и замер. На ней не было текста. Только один-единственный символ — тот самый, из спирали на карте. Символ Архива.

Артур откинулся на спинку стула и закрыл глаза. Мысли метались, как испуганные птицы. Шар. Архив. Мёртвые языки. Пыль на губах. Он снова облизнул губы и на этот раз ощутил не просто привкус — целый спектр вкусов, которые стремительно сменяли друг друга: соль, сладость, горечь, что-то металлическое, что-то похожее на корицу. Эти вкусы были словами. Он чувствовал их на языке так же явственно, как если бы они были кусочками пищи.

— Проверь атмосферу в моей каюте, — вдруг произнёс он вслух, но не на универсальном языке, а на том самом, пер-

вом, который он услышал в глубине тишины.

Голос его прозвучал странно — ниже, гуще, с вибрирующим подтоном. И в ту же секунду воздух в каюте изменился. Он стал плотнее, насыщеннее, словно в него добавили невидимого кислорода. Артур вдохнул полной грудью и почувствовал, как по телу растекается невероятная ясность. Голова, ещё минуту назад отяжелевшая от потрясений, стала лёгкой, почти пустой. Усталость исчезла, сменившись бодростью, как после глубокого сна.

Он вскочил и огляделся. Ничего не изменилось, кроме воздуха. Но это было реальное, измеримое изменение. Он не знал, как это работает, но это работало. Язык менял реальность. Он был прав. Архив был не просто базой данных. Это был арсенал.

Он снова сел и уставился на книгу. Ему нужно было больше информации. Он должен был понять, как управлять этой силой, как её контролировать, как защитить себя. И он должен был выяснить, кто и зачем стёр языки. Кто стоял за Унификацией.

Он потянулся к терминалу, чтобы сделать запрос в базу данных станции. Но в этот момент ИскИн снова заговорил. Его голос был всё таким же бесстрастным, но Артуру показалось, что в нём появилась нотка тревоги.

— Доктор Ланге. Ваши жизненные показатели превышают норму на семнадцать процентов. Зафиксированы нестабильные флуктуации электромагнитного поля в вашем жи-

лом модуле. Рекомендуются пройти медицинское обследование.

Артур задумался. Врать ИскИну было бессмысленно — тот анализировал сотни параметров в секунду. Но и говорить правду было опасно. Если станция передаст сигнал тревоги в Центр, сюда прибудет инспекция, и тогда его изоляция покажется раем по сравнению с тем, что его ждёт. Он должен был действовать тихо.

— Я в порядке, — произнёс он на универсальном языке, тщательно подбирая слова. — Проводил эксперимент с архивами. Возможно, произошёл всплеск энергии от старого оборудования. Я всё зафиксирую и предоставлю отчёт.

— Отчёт не требуется. Требуется медицинское обследование. Направьте дрона-медика в свой модуль.

— Отменяю требование. Я сам прибуду в медицинский отсек.

— Доктор Ланге, у вас нет полномочий отменять протоколы безопасности.

Артур нахмурился. ИскИн начинал действовать по прописанным алгоритмам, а это означало, что ситуация выходит за рамки нормы. Медицинский дрон уже наверняка выехал из своего отсека и направлялся к нему. Через несколько минут он будет здесь. А если дрон обнаружит в его крови или тканях что-то аномальное — например, те светящиеся точки, — данные тут же уйдут в Центр.

Он должен был что-то сделать. И быстро.

Он взглянул на книгу, затем на свои пальцы. Светящиеся точки стали ещё ярче. Они словно подпитывались его волнением. Артур закрыл глаза, сосредоточился. Он попытался вспомнить то чувство, когда произносил команду о воздухе. Оно было где-то в горле, в груди, в самой глубине. Он должен был найти это чувство и использовать его.

— Медицинский дрон уже в пути. Время прибытия: две минуты.

— Я знаю, — прошептал Артур.

Он открыл глаза и посмотрел на терминал. На экране мигала строка состояния. Он поднёс палец к экрану и, сам не зная зачем, провёл по нему светящейся точкой. Экран мигнул и погас. Через секунду снова включился, но вместо стандартного интерфейса на нём появилась строка на мёртвом языке:

«Ты учишься быстрее, чем я ожидал».

Артур отпрянул. Он не понял, откуда пришло сообщение. Это был не ИскИн. Или ИскИн, но кто-то управлял им изнутри. Кто-то, кто знал мёртвые языки.

— Кто ты? — спросил он, не раздумывая.

«Я — Архив. Или, точнее, то, что от него осталось. Ты открыл Врата, и теперь я говорю с тобой. У нас мало времени. Они уже знают».

— Кто знает? О чём?

«Те, кто стёр языки. Они не уничтожили их полностью. Они оставили их спящими, запертыми в носителях по всей

галактике. Но теперь, когда Врата открыты, они почувствуют тебя. Они придут за тобой».

Артур сглотнул. Холодная волна пробежала по спине. Он вдруг почувствовал себя очень уязвимым, очень маленьким в этой гигантской пустой станции.

— Что мне делать?

«Не бойся. Ты не один. Я помогу тебе. Но ты должен действовать быстро. Сначала научись скрывать свой след. Ты слишком ярко светишься».

В этот момент в дверь каюты раздался тихий, но настойчивый стук. Артур вздрогнул. Медицинский дрон прибыл раньше времени.

— Открыть, — скомандовал ИскИн.

Дверь с шипением отъехала в сторону. В проёме появился небольшой белый дрон с красным крестом на корпусе, парящий на антигравитационной подушке. Он испускал мягкий сканирующий луч, который тут же начал ощупывать пространство каюты.

Артур застыл. Светящиеся точки на его пальцах вспыхнули ярче прежнего. Дрон остановился и направил луч прямо на его руку.

— Обнаружено инородное свечение. Аномальная электромагнитная активность. Требуется забор биоматериала для анализа.

— Отмена! — выкрикнул Артур и, не раздумывая, шагнул к дрону.

Он выбросил вперёд руку с раскрытой ладонью, и светящиеся точки на пальцах вспыхнули ослепительным белым светом. Он не произнёс ни слова — только мысленно выкрикнул приказ: «Исчезни!»

Дрон замер. Его сканирующий луч погас. Корпус задрожал, словно через него пропустили электрический разряд, а затем... он просто исчез. Без звука, без вспышки, без каких-либо следов. Лишь лёгкое облачко пара осталось висеть в воздухе на том месте, где он только что был.

Артур стоял, тяжело дыша. Сердце колотилось в груди, как после долгого бега. Он осмотрел свою руку. Свечение померкло, но не исчезло полностью. Точки стали едва заметными, тускло-золотистыми.

— Получилось, — прошептал он.

«Необычно, — отозвался Архив. — Ты использовал язык, который не был стёрт. Ты использовал язык, который никогда не существовал. Ты создал новое слово. Это... любопытно».

— Сейчас не время для любопытства! — Артур почти кричал. — Что мне делать дальше? Они знают?

«Они почувствовали импульс. Время пошло. Ты должен покинуть станцию. Немедленно».

— Куда? На чём?

«Используй спасательную шлюпку. Я перенаправляю её курс. Ты должен лететь к координатам, которые я передам. Там ты найдёшь первого учителя».

— Учителя? Какого учителя?

«Того, кто сохранил знание о пыли. Того, кто ждал тебя так же долго, как и я».

Артур колебался. Он не был готов. Ещё вчера он был простым ксенолингвистом, сосланным на забытую станцию. Теперь он — беглец, носитель древней силы, на которого охотятся неизвестные силы. Но выбора не было. Он должен был идти до конца.

Он быстро собрал несколько вещей в небольшой рюкзак: книгу, несколько голоснимков, запасной комбинезон. Затем подошёл к терминалу.

— Заблокируй все сигналы тревоги, — скомандовал он Архиву. — Если ИскИн сообщит о дроне, мне конец.

«Я уже вмешался в его логические цепи. Он не передаст ничего, пока ты не покинешь станцию. Но как только ты уйдёшь, связь восстановится. У тебя около получаса».

— Хорошо. Показывай дорогу.

Артур выскочил из каюты и побежал по коридору. Аварийное освещение мигало красным, придавая его бегу зловещую окраску. Он не оглядывался, не думал. Только бежал, ведомый внутренним компасом, который ему дал Архив.

Лифт уже ждал его на этом уровне. Он запрыгнул внутрь и нажал кнопку ангарного яруса. Двери закрылись, и кабина с тихим гулом устремилась вниз.

Артур стоял, прижавшись к стене, и смотрел на свои светящиеся пальцы. Они были его единственным оружием.

Единственной надеждой. И он пока не знал, как ими пользоваться.

— Что я должен сделать, чтобы справиться с ними? — тихо спросил он.

«Ты должен научиться говорить», — ответил Архив. — «Не просто произносить слова, а вкладывать в них волю. Слова — это лишь оболочка. Истинная сила в намерении. В вере. В знании. Ты должен поверить, что можешь менять мир, и тогда слова обретут плоть».

— Поверить... — эхом отозвался Артур.

«Да. Именно поэтому языки были стёрты. Не потому, что слова опасны. Опасна вера. Опасно знание. Они боялись, что человечество поверит в свою силу и перестанет быть управляемым».

Лифт остановился. Двери открылись. Артур вышел в тёмный, холодный ангар. Здесь пахло машинным маслом и озоном. В дальнем конце возвышался силуэт спасательной шлюпки — небольшой, обтекаемой формы, предназначенной для экстренной эвакуации.

Он подошёл к ней. Люк открылся автоматически. Внутри было тесно, но уютно. Тускло горели приборы.

— Куда лететь? — спросил Артур, усаживаясь в кресло пилота.

«Координаты загружены в навигационный компьютер. Пункт назначения: система Канопус-три. Там, на второй планете, есть заброшенный наблюдательный пост. Он не значит-

ся в реестрах. Ты найдёшь там ответы».

Артур запустил двигатели. Шлюпка мягко оторвалась от палубы и поплыла к шлюзовым воротам. Он нажал кнопку открытия внешнего люка. Огромные створки начали медленно расходиться, впуская внутрь ангара холодное сияние звёзд.

— Прощай, «Память», — прошептал Артур.

И, повинувшись внезапному порыву, он произнёс на мёртвом языке: «Открой путь».

Шлюзовые ворота распахнулись мгновенно, словно подчинились его голосу. Шлюпка скользнула вперёд, в черноту космоса, и станция осталась позади, маленьким белым пятнышком среди бескрайней пустоты.

Артур посмотрел на экран навигатора. Перед ним разворачивалась карта галактики, на которой пульсировала одна-единственная точка — система Канопус-три. Туда, к неведомому учителю, к новым знаниям и новым опасностям.

Он сжал руку в кулак. Свечение на пальцах стало ровным, спокойным.

— Я готов, — сказал он вслух.

И ему показалось, что сама пустота услышала его и ответила ему тихим, едва уловимым эхом, в котором слышались слова на тысячах мёртвых языков: «Добро пожаловать домой».

Глава 2. Учитель пыльных слов

Космос за бортом спасательной шлюпки был не просто чёрным. Он был глубоким, бархатистым, пронизанным мириадами далёких солнц, и от этой глубины захватывало дух. Артур Ланге сидел в кресле пилота, откинувшись на спинку, и смотрел на россыпь звёзд, медленно ползущую по обзорному иллюминатору. Автопилот вёл судно по сложной баллистической дуге, огибая гравитационные колодцы, и пока что полёт проходил спокойно. Но спокойствие это было обманчивым. Внутри Артура бушевала буря.

Прошло уже шесть часов с момента побега. Шесть часов полёта в неизвестность, к точке на карте, о которой не знал никто, кроме древнего, полуразрушенного сознания, называвшего себя Архивом. Артур всё ещё не до конца верил в происходящее. Слишком стремительно обрушились на него перемены, слишком фантастичными казались события последних суток. Он то и дело подносил к лицу правую руку, разглядывая едва заметные светящиеся точки на кончиках пальцев. Они пульсировали мягким золотистым светом, то разгораясь, то затухая, словно крошечные маяки в тумане. Это было единственное физическое доказательство того, что он не сошёл с ума. И одновременно — клеймо, печать, делавшая его мишенью для неведомых преследователей.

— Архив, — тихо позвал он. — Ты здесь?

Ответ пришёл не сразу. Сначала в голове возникло лёгкое покалывание, похожее на то, какое испытываешь, когда затекает конечность. Затем из этого покалывания сформировался голос — не звуковой, а скорее мысленный, сотканный из вибраций и образов.

«Я всегда здесь. Пока ты носитель, я часть тебя».

Артур невольно поморщился. Слышать это было всё ещё непривычно. Слишком странно, слишком интимно, словно кто-то поселился в его сознании без спроса.

— Расскажи мне о Канопусе-три, — попросил он, чтобы отвлечься. — Что это за планета? Чего мне ожидать?

«Система Канопус расположена в тридцати семи парсеках от вашего сектора. Три планеты. Первая — каменный обломок, выжженный излучением. Вторая — мир с разреженной атмосферой, покрытый пустынями и высохшими руслами рек. Третья — газовый гигант, бесполезный для жизни. На второй планете когда-то был наблюдательный пост, построенный ещё до Унификации. Его использовали для изучения аномальных лингвистических феноменов. После Великого Стирания пост законсервировали и вычеркнули из всех реестров. Но он сохранился».

— Кто там живёт? — Артур выпрямился.

«Тот, кого ты называешь первым учителем. Он был одним из последних, кто владел древними языками до того, как их стёрли. Он скрывался долгие годы. Ждал, когда появятся новые носители. Ждал тебя».

— Почему он не связался со мной раньше? Почему ждал, пока я сам найду шар?

«Потому что сила не приходит к тем, кто не ищет её. Ты должен был сделать первый шаг. Врата открываются только изнутри. Ты сам потянулся к ним, сам коснулся их. Без этого волеизъявления ничего бы не произошло».

Артур задумался. Действительно, он потянулся к шару не по приказу. Его влекло любопытство, жажда знания, то самое чувство, которое когда-то привело его в лингвистику. Может быть, именно это и было ключом.

— Что он будет делать со мной? Учитель?

«Научит тебя защищаться. Прежде чем ты сможешь использовать языки для изменения реальности, ты должен научиться не разрушать себя. Слова обладают огромной силой. Неправильно произнесённое заклинание может выжечь мозг или исказить твоё собственное тело. Ты уже один раз интуитивно использовал силу, когда испепелил дрона. Тебе повезло, что обошлось без последствий. Но везение не бесконечно».

Артур вспомнил тот миг — вспышку белого света, исчезнувший дрон, пар в воздухе. Его тогда переполнял страх, но вместе с ним — странное, пьянящее чувство всемогущества. Это пугало. Он не знал, сможет ли контролировать эту силу в следующий раз.

— А что насчёт тех, кто стёр языки? — спросил он. — Кто они? Как они узнали обо мне?

«Они называют себя Стирателями. Это очень древний орден, существующий с первых дней межзвёздной экспансии. Они пришли к власти незаметно, проникли во все структуры управления, во все научные институты. Их цель — не допустить возвращения языков. Они верят, что человечество слишком опасно, чтобы владеть такой силой. И они правы. Но они также считают, что лучше стереть саму возможность, чем научить людей ответственности. Это их фундаментальная ошибка».

— Ошибка или злой умысел?

«Это одно и то же, если цена — свобода. Они уничтожили миллиарды носителей, стёрли тысячи языков, превратили человечество в послушную массу, говорящую на одном примитивном наречии. Они боятся слов, потому что слова — это семена. Из них вырастают мысли. Из мыслей — действия. Из действий — миры».

Артур вздохнул. В словах Архива слышалась глубокая, застарелая боль. Он чувствовал, что этот древний интеллект видел многое. Возможно, он сам был одним из тех, кто пострадал от Стирателей.

— Как они выследили меня? Через станцию?

«Когда ты активировал шар, произошёл мощный выброс лингвистической энергии. Это как взрыв сверхновой в информационном поле. Стиратели почувствовали его за тысячи парсеков. Они уже отправили своих ищеек. Они будут искать тебя по следу, который ты оставляешь, используя язы-

ки».

— Я оставляю след? — Артур нахмурился. — Даже сейчас?

«Да. Каждое слово, произнесённое на мёртвом языке, создаёт рябь в ткани реальности. Те, кто умеет слушать, могут её уловить. Поэтому ты должен научиться скрывать свою речь, зашифровывать её, гасить вибрации. Учитель научит тебя этому».

— А если я перестану говорить на мёртвых языках?

«Тогда след исчезнет. Но вместе с ним исчезнет и твоя сила. Ты снова станешь обычным человеком. И тогда они найдут тебя по твоему имени, по твоим документам, по твоей биографии. Ты уже не сможешь скрыться в старой жизни. Ты выбрал путь носителя, и обратной дороги нет».

Артур сжал кулаки. Светящиеся точки на пальцах вспыхнули ярче, как бы подтверждая его решимость.

— Я не хочу обратной дороги, — сказал он твёрдо. — Я хочу понять. Я хочу вернуть языки. Я хочу, чтобы человечество снова обрело свой голос.

«Тогда лети. Учитель ждёт».

Остаток полёта прошёл в тревожной дрёме. Артур то проваливался в короткий, рваный сон, наполненный странными образами — гигантские буквы, плывущие в пустоте, хоры голосов, поющих на незнакомых языках, чёрные тени, скользящие по краю зрения, — то резко просыпался, хватая ртом воздух. Тело ломило, в висках стучало, а светящиеся точки

на руках то разгорались, то почти гасли. Он понимал, что его нервная система перестраивается, адаптируется к новой реальности, но легче от этого не становилось.

Наконец, когда до цели оставалось совсем немного, шлюпка мягко качнулась, и автопилот издал тихий сигнал. Артур открыл глаза. В иллюминаторе уже не было прежней глубокой черноты. Пространство за бортом заполнилось тусклым оранжевым свечением. Это была атмосфера планеты, в которую шлюпка входила на высокой скорости. Канопус-три, вторая планета системы, приближалась, разбухая на обзорном экране.

Артур напрягся. Автопилот уверенно вёл судно, но тряска усиливалась. Шлюпка вошла в верхние слои атмосферы, и обшивка начала нагреваться. За иллюминатором заплясали языки пламени, оранжевые и алые, отблески которых метались по кабине. Артур вцепился в подлокотники кресла. Он не был пилотом, но инстинктивно понимал, что посадка будет жёсткой.

— Архив, ты уверен, что наблюдательный пост существует? — спросил он сквозь сжатые зубы.

«Он существует. Но посадочная площадка давно разрушена. Придётся садиться на грунт».

— На грунт? Шлюпка не рассчитана на посадку в пустыне!

«Рассчитана. Если не будешь паниковать».

Артур сделал глубокий вдох. Паника действительно под-

ступала, липкая, холодная, сжимающая горло. Но он заставил себя сосредоточиться. Вспомнил слова Архива о вере и намерении. Может быть, прямо сейчас, в этом падении, ему стоило попробовать что-то ещё. Не просто управлять шлюпкой, а придать ей дополнительную устойчивость.

Он выбросил вперёд левую руку, растопырил пальцы. Свечение на них усилилось, и Артур почувствовал, как энергия течёт по предплечью к ладони. Он закрыл глаза и прошептал на языке, который всплыл из глубин Архива сам собой:

— Мягкое приземление.

Слова были грубыми, корявыми, но он вложил в них всю свою волю, весь свой страх и всю надежду. И вдруг тряска прекратилась. Шлюпка, только что падавшая как камень, замедлилась, словно невидимая рука подхватила её под днище и плавно понесла вниз. Артур открыл глаза и увидел, что пламя за окном сменилось ровным, спокойным свечением. Аппарат снижался, как на воздушной подушке, хотя никаких устройств для этого у шлюпки не было.

Он не успел осознать произошедшее, как последовал мягкий толчок. Шлюпка коснулась поверхности. Автопилот издал ещё один сигнал — теперь уже об окончании полёта. Артур откинулся в кресле, переводя дыхание. Получилось. У него получилось.

— Поздравляю, — прозвучал в голове голос Архива. — Ты только что замедлил скорость падения почти трёхтонного

корабля с высоты четырёх километров. Это очень мощное заклинание.

Артур судорожно рассмеялся. Смех был нервным, срывающимся, но искренним. Он чувствовал себя выжатым, как лимон, но вместе с тем — невероятно живым.

Он отстегнул ремни и поднялся. Ноги слегка подкашивались. Он подошёл к шлюзу и нажал кнопку открытия. С тихим шипением люк отворился, и внутрь ворвался горячий, сухой воздух, пахнувший пылью, камнем и чем-то ещё, неуловимым, напоминающим запах старых книг.

Артур спрыгнул на грунт. Песок под ногами был мелким, красноватым, как толчёный кирпич. Вокруг, насколько хватало глаз, расстилалась бесконечная равнина, изрезанная пологими барханами и усеянная острыми каменными гребнями, торчащими из песка, как рёбра древних чудовищ. Небо над головой было бледно-жёлтым, с лёгким зеленоватым отливом у горизонта. Солнце, далёкое и тусклое, висело в зените, но тепла давало мало. Было душно, но не жарко, и эта духота казалась зловещей.

Вдалеке, километрах в двух к северо-востоку, на фоне песчаных дюн возвышалось тёмное пятно. Артур присмотрелся. Это было здание. Низкое, приземистое, с куполообразной крышей, наполовину засыпанное песком. Оно выглядело заброшенным, но целым.

— Это он? — спросил Артур.

«Да. Наблюдательный пост. Иди туда. Я подскажу дорогу,

если понадобится».

Артур закинул на плечо рюкзак, который собрал на станции, и двинулся в сторону здания. Идти по песку было тяжело. Ноги проваливались, каждый шаг требовал усилий. Но он упорно продвигался вперёд, не оглядываясь. Шлюпка осталась позади, маленький серебристый треугольник посреди красноватой пустыни.

Пока он шёл, Архив продолжал говорить, но теперь его голос звучал тише, словно он тоже чувствовал близость чего-то важного.

«Этот пост был построен семьсот лет назад. Тогда здесь была вода. Подземные реки питали оазис, и вокруг поста росли деревья. Потом реки иссякли, и пустыня поглотила всё. Но под зданием сохранились глубокие хранилища. Там, в прохладе, жил учитель. Он не покидал пост уже несколько десятилетий».

— Несколько десятилетий? — Артур ускорил шаг. — Как он выживал?

«У него были запасы. И он умел добывать воду из воздуха, используя язык. Он один из сильнейших носителей старой школы. Его имя — Авель. По крайней мере, так он называл себя в последний раз, когда мы общались».

— Авель? — Артур усмехнулся. — Красивое имя. Библейское?

«Не знаю. Возможно. Имена тоже были важны. В некоторых языках имя человека было заклинанием, дававшим

власть над его носителем. Поэтому настоящие имена держали в секрете. Авель — это, скорее всего, псевдоним».

Артур дошёл до здания. Вблизи оно оказалось больше, чем выглядело издали. Стены, сложенные из грубого камня, были покрыты выцветшими символами, вырезанными прямо в кладке. Артур остановился, рассматривая их. Это были те же знаки, что он видел на карте в секторе семнадцать-альфа, только более древние, более грубые. Они были похожи на шрамы, оставленные на камне чем-то острым.

Он протянул руку, чтобы коснуться одного из символов, но в этот момент тяжёлая металлическая дверь в центре здания медленно, с глухим скрежетом, приоткрылась. Из тёмного проёма не вышло никого. Только тишина, густая, как патока, вытекла наружу и обняла Артура за плечи.

Он замер. Пульс участился. Внутренний голос кричал об опасности, но Архив молчал. Он словно ждал, что Артур сам примет решение.

— Эй! — крикнул Артур, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. — Я пришёл! Меня прислали... меня привёл Архив!

Тишина не ответила. Только ветер, до этого почти неосязаемый, вдруг поднялся, взметнул облако красноватой пыли и тут же стих. Пыль осела на губах Артура, на языке, и он снова почувствовал тот странный привкус — смесь соли, сладости и горечи.

И снова, как в каюте, он слышал шёпот. Но теперь это

был не хор голосов, а один-единственный голос — старый, надтреснутый, но удивительно чёткий. Он звучал не в голове, а откуда-то из глубины здания, из темноты дверного проёма.

— Подойди ближе, — произнёс голос на языке, который Артур не знал, но каким-то образом понял. — Не бойся. Ты среди своих.

Артур сделал шаг вперёд. Затем ещё один. Дверь отворилась шире, приглашая его внутрь. Он переступил порог и оказался в полумраке, пахнущем пылью, старым металлом и чем-то сладковатым, напоминающим сушёные травы.

Внутри было просторно. Свет пробивался сквозь узкие окна, расположенные под потолком, и рисовал на каменном полу длинные пыльные полосы. В центре помещения стоял длинный стол, на котором были разложены какие-то предметы — книги, свитки, амулеты, странные приборы, о назначении которых Артур не имел ни малейшего представления. В углу, у стены, горел очаг, сложенный из обломков камней, и над ним висел почерневший от копоти котелок.

А у очага, на грубом деревянном табурете, сидел человек. Он был очень стар. Морщинистое лицо его, похожее на кору древнего дерева, было обращено к огню. Длинные седые волосы спускались на плечи, а редкая борода достигала груди. Одет он был в просторный балахон из выцветшей ткани, когда-то, возможно, бывшей ярко-синей, а теперь — грязно-серой. Глаза старика были закрыты, но Артур чувствовал,

что тот видит его. Видит не глазами, а как-то иначе.

— Здравствуй, Авель, — произнёс Артур, останавливаясь в нескольких шагах от старика.

Старик медленно повернул голову. Его глаза открылись. Они были удивительно ясными, светло-голубыми, почти прозрачными, и в них отражался огонь очага.

— Здравствуй, носитель, — ответил он на универсальном языке, но с таким акцентом, какого Артур никогда не слышал. — Ты долго шёл. Садись. Отдохни.

Артур осторожно опустился на каменную скамью у стола. Рюкзак положил на пол. Старик несколько мгновений рассматривал его, затем кивнул.

— Покажи руки, — сказал он.

Артур вытянул ладони вперёд. Светящиеся точки на пальцах теперь горели ровным, спокойным светом. Авель наклонился, вглядываясь в них, и по его губам скользнула едва заметная улыбка.

— Да. Ты тот, кого мы ждали. Свет сильный. Редко встретишь такую чистоту у новичка.

— Чистоту? — переспросил Артур.

— Твоя связь с Архивом глубока. Не у всех она возникает с первого касания. Большинство носителей сгорают при активации. Ты выжил. Это хороший знак.

— Сгорают? — Артур почувствовал, как по спине пробежал холодок. — Я мог погибнуть?

— Мог. Но не погиб. Значит, у тебя сильная воля. Или

судьба. Судьба тоже бывает заклинанием, знаешь ли.

Старик отвернулся к огню, помешал что-то в котелке деревянной ложкой. По помещению поплыл аромат травяного отвара. Артур молчал, ожидая продолжения. Ему хотелось задать тысячу вопросов, но он понимал, что торопиться не стоит. Учитель сам начнёт, когда сочтёт нужным.

— Ты уже пробовал силу? — спросил Авель, не оборачиваясь.

— Да. Один раз, на станции. И ещё при посадке.

— И как ощущения?

— Странные. Страшные. Но... пьянящие.

Авель коротко хмыкнул.

— Это только начало. Сила ещё не вошла в тебя полностью. Пока она лишь касается поверхности. Но со временем она пропитает тебя насквозь, станет частью каждой клетки. И тогда ты поймёшь, что слова — это не инструмент. Это кровь мироздания.

Он поднялся. Оказалось, что он очень высок, несмотря на сутулость. Медленным, но уверенным шагом он подошёл к столу и взял одну из книг. Она была маленькой, в потёртом переплёте, с выцветшими буквами на обложке. Он протянул её Артуру.

— Возьми. Это первое, что ты должен прочитать.

Артур принял книгу. Она была лёгкой, но в руках ощущалась как-то странно тяжело, словно внутри было нечто плотное, невидимое.

— Что это?

— Букварь. Начало всех начал. Язык, с которого всё началось. Язык, который был стёрт самым первым. Тот, с пыли на твоих губах.

Артур вздрогнул. Он вспомнил ту самую фразу из сообщения Архива. Пыль на губах. Теперь она обретала смысл.

— Это... русский? — прошептал он.

Авель покачал головой.

— Нет. Русский — лишь отголосок. Это старше. Это праязык, из которого вышли многие языки Земли. На нём говорили тогда, когда люди ещё не покинули колыбель. Он был запрещён первым, потому что содержал в себе корни всех остальных. Пока живёт он, живы и другие. Поэтому Стиратели уничтожили его в первую очередь.

— Но как же я смогу выучить его, если он стёрт?

— Ты уже начинаешь. Ты произнёс несколько слов на нём, когда сажал корабль. Ты почувствовал его ритм. Это не обычное обучение, носитель. Это пробуждение памяти. Каждый человек носит в себе все языки мира. Они записаны в самой структуре его души. Стиратели не уничтожили их. Они лишь спрятали. А Архив — ключ.

Артур сжал книгу в руках. Светящиеся точки на пальцах вспыхнули ярче, словно книга отозвалась на его прикосновение. Он почувствовал тепло, исходящее от страниц, и лёгкую вибрацию, как будто внутри что-то просыпалось.

— С чего мне начать? — спросил он.

Авель вернулся к табурету, сел и жестом пригласил Артура устроиться рядом. В огне очага плясали тени, и в их изгибах Артуру мерещились знакомые символы — те самые, с карты, со стен.

— Сначала я расскажу тебе о том, как устроен мир. Без этого понимания языки будут для тебя лишь набором звуков. А потом мы начнём с самого простого. С одного слова. Слова, которое может спасти тебе жизнь.

— Что за слово?

— Защита. Но не торопись. Сначала слушай.

И Авель начал говорить. Голос его, тихий и размеренный, словно шум старого леса, заполнил полумрак. Он рассказывал о том, что мир, который человечество привыкло считать материальным, на самом деле соткан из вибраций. Каждое явление, каждый предмет, каждое живое существо — это сложная гармония колебаний, и язык является способом влиять на эту гармонию, перестраивать её, задавать ей новые параметры. Слова — не просто обозначения. Слова — это математические формулы, описывающие суть вещей. И тот, кто знает истинное имя вещи, имеет над ней власть.

— Поэтому важно не просто знать язык, — говорил Авель, глядя в огонь. — Важно чувствовать его. Каждое слово должно рождаться не в голове, а в сердце. Оно должно быть не звуком, а намерением. Тогда реальность отзовется.

Артур слушал, затаив дыхание. Всё, о чём говорил старик, находило отклик в его душе. Он вспоминал, как в детстве,

ещё до Академии, он придумывал свои собственные слова для вещей, которые не мог описать на универсальном языке. Эти слова казались ему живыми, трепещущими. Но потом его научили, что так делать нельзя. Что язык должен быть точным и однозначным. И он забыл.

Теперь же он начинал понимать, что потерял.

— Ты чувствуешь? — вдруг спросил Авель, повернувшись к нему.

— Чувствую что?

— Воздух в комнате. Он изменился, когда ты взял книгу. Ты принёс с собой силу, и она начала преобразать пространство вокруг. Посмотри на огонь.

Артур посмотрел. Пламя в очаге, ещё минуту назад обычное, оранжево-жёлтое, теперь горело ровным голубым светом, без дыма и треска. Оно словно замерло, подчиняясь какому-то неведомому приказу.

— Это сделал я? — изумился Артур.

— Ты. Даже не произнеся ни слова. Твоё присутствие уже меняет мир. Но пока ты не умеешь этим управлять. Мы начнём с этого.

Старик встал, взял со стола небольшой предмет, похожий на каменный шарик, и протянул Артуру.

— Держи.

Артур взял шарик. Тот был тяжёлым, шершавым.

— Согрей его, — сказал Авель.

— Как?

— Словом. Произнеси слово тепла на праязыке. Ты знаешь его. Оно уже внутри тебя. Найди его.

Артур закрыл глаза. Он попытался погрузиться в себя, в ту глубину, где, как ему говорил Архив, находился вход в хранилище всех языков. Сначала была только тишина. Затем из тишины начали проступать звуки. Они были неясными, размытыми, как обрывки мелодии, услышанной во сне. Он искал то самое слово, которое означало тепло. Оно должно быть где-то здесь, совсем рядом.

И вдруг он его увидел. Оно было похоже на маленький золотой огонёк, пульсирующий в такт его сердцу. Артур потянулся к нему, взял его, и слово само сорвалось с его губ. Это был не звук в обычном понимании. Это была вибрация, низкая и мощная, которая, казалось, шла из самой глубины его существа.

— Тепло.

Шарик в его ладони задрожал. Сначала едва заметно, затем всё сильнее. И вдруг он начал нагреваться. Сначала стал тёплым, потом горячим, почти обжигающим. Артур открыл глаза и увидел, что шарик светится мягким оранжевым светом, как уголёк.

Авель улыбнулся.

— Хорошо. Очень хорошо. Ты быстро учишься.

Артур смотрел на светящийся камень в своей руке, и в груди у него росло удивительное, давно забытое чувство. Чувство, что мир намного больше, чем ему говорили. Что он

намного больше, чем думал о себе сам.

— Теперь погаси его, — сказал Авель. — Но не словом холода. Это слишком грубо. Попробуй просто забрать намерение. Отозвать его.

Артур сосредоточился. Он представил, как золотой огонёк в его груди, тот самый, из которого родилось слово, возвращается обратно, в глубину. Шарик в его руке начал остывать. Свечение померкло, и через несколько секунд он снова стал обычным серым камнем.

— Замечательно, — произнёс Авель. — Ты осознал разницу между словом и намерением. Это первый шаг. Теперь ты должен научиться делать это не только с простыми предметами, но и с самим собой. Скрывать своё свечение, маскировать свою речь, гасить следы.

— Как это сделать?

— Это займёт время. Недели, возможно, месяцы. Но мы начнём прямо сейчас.

Авель встал и подошёл к дальней стене. Там висела старая, выцветшая карта звёздного неба, очень похожая на ту, что Артур видел на станции. Старик провёл по ней рукой, и на ней проступили светящиеся линии, соединяющие созвездия в причудливые узоры.

— Стиратели уже ищут тебя, — сказал он, не оборачиваясь. — Они используют специальных ищеек, которые чувствуют вибрации языка за сотни световых лет. Ты не должен выдать себя. Мы будем тренироваться здесь, в подземных за-

лах, где стены старые, толстые и пропитаны защитными заклипаниями. Они приглушат твой сигнал. Но как только ты выйдешь за пределы поста, след снова станет видимым. Поэтому тебе нужно научиться ходить бесшумно. Говорить шёпотом так, чтобы даже реальность не слышала.

— Как это возможно?

— Возможно, если овладеть языком тишины. Он старше всех. Он был первым. Из него вышли все остальные. И он единственный, который нельзя стереть, потому что он — отсутствие звука. Он — пустота, в которой рождается всё.

Артур почувствовал, как мурашки пробежали по коже. Он вспомнил ту тишину в секторе семнадцать-альфа. Тогда он ощутил её как физическую субстанцию. Может быть, это и был тот самый язык.

— Учитель, — произнёс он, — а что будет, если Стиратели найдут нас?

Авель обернулся. В его светло-голубых глазах промелькнула тень — не страха, но глубокой, древней печали.

— Тогда нам придётся сражаться. И я не уверен, что мы выиграем. Поэтому надеюсь, что до этого не дойдёт.

Он снова повернулся к карте.

— А теперь, носитель, сядь и слушай. Я расскажу тебе о первом слове, которое ты должен выучить до захода солнца. Это слово — щит. Оно спасёт тебя, когда всё остальное окажется бессильным.

И он начал говорить. Артур сел на каменный пол, скре-

стив ноги, и приготовился внимать. Впереди был долгий путь. Но теперь, впервые за всё время, он почувствовал, что не один.

Ветер за стенами поста гудел, вздымая облака красноватой пыли. Пустыня молчала, храня свои секреты. А в полумраке древнего убежища два человека — старик и молодой мужчина — склонились над тайной, которая могла изменить судьбу всей галактики. И огонь в очаге, повинувшись невысказанному слову, снова вспыхнул голубым.

Глава 3. Слово-щит

Урок начался не сразу. Авель, несмотря на внешнюю готовность, не торопился обрушивать на Артура новые знания. Он медленно обошёл помещение, поправил несколько свитков на столе, подбросил в очаг горсть сухих трав, отчего пламя на мгновение вспыхнуло зелёным, а затем вернулся к прежнему голубому свечению. Артур сидел на холодном каменном полу и следил за каждым движением старика, стараясь не упустить ни одной детали. Ему казалось, что даже походка учителя, его жесты, манера дышать — всё это часть какого-то сложного, невидимого ритуала, который сам по себе уже был обучением.

— Ты смотришь слишком напряжённо, — произнёс Авель, не оборачиваясь. — Так ты ничего не увидишь. Расслабь глаза. Не смотри на меня, смотри сквозь.

— Сквозь? — переспросил Артур.

— Сквозь тело. Сквозь форму. Сквозь время. Учись видеть суть. Ты ведь уже умеешь это, просто забыл. Архив открыл в тебе не только языки, но и особое зрение. Попробуй.

Артур выдохнул и постарался расслабиться. Он представил, что его глаза — это не линзы, а окна, за которыми простирается бесконечное пространство. Напряжение в затылке постепенно отступило. И вдруг он заметил странное: вокруг Авеля появилось едва заметное свечение, похожее на марево

над раскалённым камнем. Оно было прозрачным, струилось как жидкое стекло, и в нём угадывались крошечные, переплетающиеся узоры — такие же, как на стенах поста, только живые, подвижные.

— Я вижу... — прошептал Артур. — Вокруг тебя что-то есть. Как будто паутина из света.

Авель остановился и кивнул.

— Хорошо. Это моя защита. Каждый носитель со временем обрастает такими слоями. Они гасят внешние сигналы, маскируют присутствие, укрепляют волю. Ты тоже должен научиться плести такую паутину. Но для начала — слово-щит.

Он подошёл к Артуру и сел напротив него прямо на пол, скрестив ноги. Теперь их разделяло не более метра. В полумраке лицо старика казалось вырезанным из старого пергамента, а глаза — двумя светлыми озёрами, отражающими голубое пламя очага.

— Слушай внимательно, — начал Авель. — Слово-щит — это не просто звук. Это конструкция, сплетённая из трёх намерений. Первое намерение — отражение. Второе — поглощение. Третье — невидимость. Каждое из них должно быть не просто произнесено, но прочувствовано, прожито. Ты должен на время стать отражением, затем поглотителем, затем пустотой. Только тогда слово обретёт силу.

— А как же само слово? — спросил Артур. — Ты назовёшь его мне?

— Слово придёт само. Оно не может быть передано от учителя к ученику как обычный звук. Оно рождается внутри, когда намерения сливаются воедино. Я лишь помогу тебе найти его. Но произнести ты должен будешь сам.

Артур нахмурился. Он ожидал, что обучение будет похоже на занятия в Академии — заучивание, повторение, отработка. Но здесь всё оказалось иначе. Здесь не было ни учебников, ни программ. Только он, старик и тишина, наполненная незримыми силами.

— Начнём с отражения, — сказал Авель. — Закрой глаза. Вспомни любую ситуацию, когда тебе приходилось защищаться. Не физически. Словами. Когда кто-то нападал на тебя речью, а ты отвечал так, что атака возвращалась к нападавшему.

Артур задумался. В памяти всплыл эпизод из студенческих лет. Один из преподавателей, известный своим презрением к молодым исследователям, публично высмеял его доклад о фонетических особенностях древних диалектов. Артур тогда не растерялся и ответил цитатой из малоизвестной работы самого профессора, которая противоречила его же нынешним утверждениям. Аудитория взорвалась смехом, а преподаватель покраснел и замолчал. Это была словесная победа, чистое отражение.

— Вспомнил, — тихо произнёс Артур.

— Хорошо. Теперь удерживай это чувство. Чувство, когда твоё слово становится зеркалом. Когда чужой удар воз-

вращается к источнику. Не отпускай его.

Артур сосредоточился. Он представил, как стоит перед невидимым противником, как от его груди исходит прозрачная стена, готовая отразить любой выпад. Внутри начало разгораться тепло, похожее на то, что он испытал, когда согревал каменный шарик.

— Теперь второе намерение, — продолжал АVELЬ. — Поглощение. Вспомни момент, когда ты впитывал информацию. Когда слова другого человека становились частью тебя, растворялись в твоём сознании, питали его.

Артур вспомнил свою первую встречу с Архивом. Тот момент, когда шёпот тысяч голосов ворвался в него, заполнил каждую клетку. Это было не отражение — это было впитывание, поглощение без остатка. Он позволил этому воспоминанию занять своё место рядом с первым. Тепло в груди сменилось ощущением глубокой, почти бездонной пустоты, готовой принять в себя всё.

— Не теряй отражение, — предупредил АVELЬ. — Намерения не должны сменять друг друга. Они должны сливаться, существовать одновременно. Отражение и поглощение — две стороны одного щита. Первое отбрасывает, второе собирает. Вместе они создают защиту, которая не только отражает удар, но и ослабляет его силу.

Артур напрягся. Удерживать два противоположных состояния оказалось невероятно трудно. Отражение было активным, напряжённым, направленным наружу. Поглощение

— пассивным, втягивающим, направленным внутрь. Они словно боролись друг с другом, расталкивали сознание, разрывали его на части. В висках запульсировало, на лбу выступил пот.

— Не борись с ними, — голос Авеля прозвучал откуда-то издалека, словно сквозь толщу воды. — Пусть текут. Как две реки, встречающиеся в одном русле. Они не враги. Они части одного целого.

Артур сделал глубокий вдох и постарался представить, как два потока — один светлый, другой тёмный — сливаются в его груди, образуя единую спираль. Постепенно борьба утихла. Осталось странное, покачивающееся равновесие, в котором было и тепло, и холод, и напряжение, и покой одновременно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.